

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.017-025

ЭСТЕТИЧЕСКОЕ В ПРАВЕ

Медушевская Наталья Федоровна,

профессор кафедры истории государства и права Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент 117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

Sapfo2@yandex.ru

© Медушевская Н. Ф., 2025

Аннотация. В статье рассматривается соотношение эстетического и правового в контексте органической теории права. Отмечается, что в научных исследованиях И. А. Исаева в рамках данной теории в историческом дискурсе анализируется соотношение права и литературы. Подчеркивается, что эстетическое и правовое укоренены в социальной деятельности, способствуют целостному восприятию реальности, являются способами познания мира, направлены на просвещение индивида, способствуют формированию ответственной личной позиции, активно вовлеченной в преобразование мира. Укорененность эстетического в праве рассматривается на трех уровнях — онтологическом, гносеологическом и аксиологическом. В контексте правового бытия внимание обращается на влияние художественной культуры на формирование правового сознания. При анализе гносеологического уровня рассмотрения сферы права отмечается эвристическая роль красоты в юридическом знании этапа постнеклассической науки, ее роль в языке права. А принцип красоты является промежуточным критерием научной истины, а также оказывает влияние на стиль научного исследования. С точки зрения аксиологии права анализируется роль эстетических категорий прекрасного, меры, трагического, низменного в праве и правовой культуре. Эстетическое гармонизирует право, расширяя поле социальной солидарности.

Ключевые слова: органическое государство; эстетическое; правовая норма; онтология правовой реальности; гносеология права; аксиология права; красота; мера; трагическое; низменное.

THE AESTHETIC DIMENSION OF LAW

Natalia F. Medushevskaya,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of History of the State and Law, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sapfo2@yandex.ru

Abstract. The paper examines the relationship between the aesthetic and the legal in the context of organic legal theory. It is noted that in the scientific research of I. A. Isaev, within the framework of this theory, the ratio of law and literature is analyzed in historical discourse. It is emphasized that the aesthetic and the legal are rooted in social activities, contribute to a holistic perception of reality, they are ways of knowing the world, aimed at educating the individual, contributing to the formation of a responsible personal position, actively involved in the transformation of the world. The rootedness

of the aesthetic in law is considered at three levels, namely: ontological, epistemological and axiological. In the context of legal existence, attention is drawn to the influence of artistic culture on the formation of legal consciousness. When analyzing the epistemological level of consideration of the sphere of law, the heuristic role of beauty in the legal knowledge of the stage of post-classical science, its role in the language of law is noted. And the principle of beauty is an intermediate criterion for scientific truth, and also affects the style of scientific research. From the point of view of the axiology of law, the author analyzes the role of aesthetic categories of beauty, measure, tragic, baseless in law and legal culture. The aesthetic harmonizes law, expanding the field of social solidarity.

Keywords: *organic state; aesthetic; legal rule; an ontology of legal reality; epistemology of law; axiology of law; beauty; measure; tragic; low.*

Обращаясь к системному рассмотрению права и исходя из проблем «солидарного единства, проявляющегося в форме политических и правовых институтов», профессор И. А. Исаев анализирует тему «политического воображения», создающего политические и правовые фикции и символы¹. В работе «Солидарность как политико-правовое состояние» автор с позиции органистической теории права отмечает, что «современное общество как “организм” — безгранично, но не беспредельно, подобно той земной поверхности, которую оно занимает»².

В начале XX столетия на проблему разграничения в понимании общества как организма и организации обращал внимание Н. А. Бердяев, выделяя в истории развития человечества три стадии: «природно-органическую, культурную в собственном смысле и технико-машинную». Организация связана с преобразующей деятельностью человека, в то время как «организм рождается из природной космической жизни, и он сам рождает»³. Философ фиксирует вступление человека в новую эру — эру организации жизни, и этот процесс несет в себе как положительный, так и отрицательный заряд, превращая индивида в придаток машины, ее раба.

Рассмотрение общества как организма не только предполагает его понимание как части природного бытия, но и включает всю совокупность связей и отношений, сфер и функций, которые составляют его целостное единство. И в этом контексте И. А. Исаев обращает внимание на связь эстетического и правового: «Нередко сам народ и возникает-то в истории благодаря мысли и знанию таких людей, которые составляют его сердцевину. Народность есть усиленный и концентрированный дух нации, выражающий себя в высших символических личностях и произведениях народа. Именно здесь и происходит духовное постоянное возвращение к жизни исторического прошлого, но происходит оно не в сюжетах и учениях, а в силе и в образе мыслей»⁴.

Категория эстетического не имеет однозначного толкования, ее содержание менялось в зависимости от развития исторической реальности и общественных отношений. Достаточно распространенными являются представления об эстетическом как сфере исключительно эстетики, которая является разделом философского знания и представляет собой учение о прекрасном. Такое сужение содержания эстетического неправомерно, поскольку исключает его проявления в природе, деятельности человека и общественном сознании, одной из форм которого является эстетическое сознание.

¹ Чупова М. Д., Филиппова Т. П., Румянцева В. Г. Метафизика власти и закона И. А. Исаева. К юбилею ученого // Lex russica. 2020. Т. 73. № 6 (163). С. 14.

² Исаев И. А. Солидарность как политико-правовое состояние : монография. М. : Проспект, 2017. С. 37.

³ Бердяев Н. А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники (извлечение) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 249.

⁴ Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 124–125.

На первый взгляд, связь эстетического с правом может показаться надуманной. Исходя из тезиса А. Ф. Лосева, что «эстетическое есть выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность и обработанной как сгусток общественно-исторических отношений»⁵, выделим те посылки, которые позволяют нам искать и находить эстетическое в праве. Право будем рассматривать как форму духовности и способ регуляции общественных отношений, наполняющий человеческое существование аксиологическим содержанием и смыслом, как средство организации социальной жизни. И. А. Исаев, исходя из органической теории права, пишет: «Итак, закон и искусство — детища природы, порожденные ею благодаря человеку, они должны выполнять свой долг — оберегать и уважать мать-природу»⁶.

Первая посылка. Эстетическое и правовое укоренены в человеческой деятельности, они присущи человеку, его жизни и сознанию. Как художник, так и правовед вторгаются в жизненные миры и повседневные ситуации, которые являются лишь приблизительной копией реальности.

Вторая посылка. Искусство и право суть способы познания социальной реальности. По Г. Гегелю, искусство есть звено самопознания духа, но и право есть способ самосознания, присущий определенной исторической эпохе.

Третья посылка. Высшая цель искусства — это всесторонне развитый социальный субъект, возвысившийся до осознания себя личностью в контексте своей самоценности и значимости. Но и право формирует самоценную личность, обладающую развитой правовой культурой и правовой ответственностью.

Четвертая посылка. Эстетическое освоение мира ориентировано на его целостное и всестороннее освоение и восприятие. Именно на эту целостность права указывает Р. Дворкин, которая в его интерпретации заключается в следующем:

- принятие законных прав человека;
- ограничение закона;
- обеспечение определенного равенства граждан;
- следование принципам права принципам морали;
- рецепция коллективного принуждения как политической добродетели;
- целостность права как средство и способ защиты от коррупции, пристрастности и обмана⁷.

Пятая посылка. Эстетическое отношение способствует просвещению человека, его приобщению к социальному опыту и историко-культурной памяти своей нации и всего человечества. И в этом смысле оно помогает индивиду освоить правовой опыт, проникнуться правовыми традициями, теми гуманистическими ценностями, которые в нем сокрыты.

Шестая посылка. Иррациональное характеризует как право, так и эстетическое. Как правило, иррациональное, которое лежит вне разумного постижения мира, способно наполнять его содержание в последующих исторических условиях. Иррациональное является низшим уровнем психической деятельности человека, оно способствует предельной идеализации изучаемого объекта в форме идеи. Как отмечает П. В. Копнин, «в идее предмет отражается в аспекте идеала, т.е. не только таким, как “он есть”, но и каким он “должен быть”. Идея направляет практическую деятельность, образуя идеальную форму будущей вещи или процесса»⁸. Иррациональное, содержащееся в любой идее, придает ей аксиологический смысл. Как ученый-правовед, так и художник обладают способностью распознать, расшифровать тот смысл, который

⁵ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. М. : Искусство, 1992. Кн. 1. С. 311.

⁶ Исаев И. А. Алхимия власти : очерки по истории и мифологии права. М. : Проспект, 2025. С. 7.

⁷ Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Издательство Института Гайдара, 2020. С. 242–293.

⁸ Философская энциклопедия / гл. ред. Ф. В. Константинов. М. : Сов. энциклопедия, 1962. Т. 2. С. 236.

имеет особую значимость для конкретной культуры. И в правовой, и в эстетической идее укореняется ее ценность для конкретно-исторического сообщества людей.

Итак, эстетическое имеет социальную природу, и, как отмечает Ю. Борев, «эстетические свойства в природе, в общественной жизни, в искусстве принципиально ничем не различаются. И в том, и в другом, и в третьем случаях эстетические свойства объективны, не зависят от прихоти воспринимающего, имеют общественную сущность, являются положительной ценностью и сферой свободы. Красота в общественной жизни — сфера политической и социальной свободы»⁹. И этой своей сущностью оно не только соприкасается с правовым, но и порождает его более глубокие смыслы, способствует его укоренению в правосознании и правовой культуре в целом, в правотворческой и правоприменительной деятельности.

Рассмотрим области права, в которых наиболее наглядно и выпукло присутствует эстетическое.

Во-первых, это сфера правового бытия, или онтологическая сторона правовой реальности. К ней относится прежде всего правовое сознание, которое формируется, с одной стороны, под влиянием эстетического, с другой стороны, художественное воплощение явлений правовой ментальности воспроизводится в произведениях художественной культуры. Леонид Андреев, Александр Радищев, Аполлон Майков, Александр Островский, Лев Толстой и многие другие имели полное или незаконченное высшее юридическое образование. Получил степень кандидата прав и А. С. Грибоедов. Во многих произведениях русских писателей мы находим художественное воплощение правовой реальности своего времени («Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, «Воскресение» Л. Н. Толстого).

Особый интерес для реконструкции правового менталитета представляют фольклорные произведения средневекового периода. Так, в XVI в. происходит расцвет жанра исторической песни, в которой положительно оценивается стремление Ивана Грозного отстранить от государственного управления боярство. Другой жанр, отражающий правовые эмоции русских людей, — это баллады. Конечно, их главная тема любовная, но единению влюбленных препятствует их неравенство, сословные различия и предрассудки, а пафос свободы чувств переплетается с надеждой на свободу воли. Следует отметить также разбойничьи баллады, в которых трагизм ситуации сопровождается радостным ощущением удали и озорства. При этом неправовые действия разбойников не находят осуждения, наоборот, в них сквозит печаль в связи с тем тяжелым состоянием, в котором вынуждены пребывать «борцы за справедливость». Их действия оправдываются тем, что они выступают против социального гнета, разбойники вызывают скорее сочувствие, поскольку их жизнь полна страданий: они лишены отеческого крова, живут вне семьи, испытывают нужду, находятся в постоянном страхе быть разоблаченными.

Мессианиззм, поиск общественного идеала и устремление к воплощению в социальной жизни правды-справедливости — все эти интенции проявились в правовом менталитете россиянина уже в процессе генезиса российской государственности и воплотились в сказании о граде Китеже, легенде, волновавшей долгое время умы художников, литераторов и композиторов России. Поэтизация предания олицетворяет процесс становления русской национальной идентичности, когда страна находилась под игом татаро-монгольских орд. Именно праведность жителей Китежа помогла им переместиться в иное измерение после захвата града чужеземцами и избежать исчезновения. Благодаря своей экспрессивно-эмоциональной форме и глубине содержания эта легенда способствовала укреплению национального духа россиян.

Литература трагического времени в истории нашей страны, а именно татаро-монгольского ига, представляет особый интерес с точки зрения художественного воплощения правовых принципов и идей, поскольку отражает генезис самосознания русичей в борьбе за независимость на первых порах становления российской государственности. В это время чрезвычайно низко падает авторитет тех князей, которые вели братоубийственные войны, сотрудничали с врагом, подвергая свою

⁹ Борев Ю. Б. Эстетика : учебник. М. : Высш. шк., 2002. С. 54.

Родину опасности и разорению. В этом смысле особый интерес, пожалуй, представляют поучения владимирского епископа Серапиона, относящиеся к XIII в. В дошедших до нашего времени списках поучений мы видим умение автора логически осмыслить причины надвигающейся катастрофы. Уже в первом поучении, созданном примерно в 1230 г., т.е. еще до нашествия Батыя, напряженность политической ситуации воспринимается Серапионом как следствие внутренних противоречий и братоубийственных войн, которые князья вели между собой. Д. С. Лихачев отмечает, что это первое поучение изображается особенно мрачными красками, в то время как «четыре других поучения с удивительной образностью и художественной энергией и лаконизмом говорят о иге и нашествии: гнев божий застиг людей “аки дождь съ небеси”, пролитая кровь “аки вода многа землю напои”, но тем не менее он (Серапион — Н. М.) уверен, что, сохранив моральную чистоту и стойкость, не идя ни на какие сделки с совестью, “гнев божий престанеть <...> мы же в радости поживем в земли нашей”»¹⁰. Серапион обладал достаточно высоким для своего времени уровнем книжности, а его правовые взгляды отмечены мудростью и глубиной: он выступает против суеверий, против расправ с женщинами, которым приписывались колдовские качества, против испытания водой и самосуда.

Вторая проблема онтологического уровня связана со спецификой языка права. И. А. Исаев в книге «Мифологемы закона: право и литература» справедливо отмечает: «Закон живет повсюду в своих проявлениях. Кодексы написаны на том же языке, что и романы современников. Литераторы обращаются к правовым проблемам, чтобы развить сюжет своего произведения. Законодатель пользуется литературным языком, чтобы четче и полнее выразить правовую идею. Взаимопроникновение двух культурных сфер порождает неожиданные последствия. Лингвистическое или литературное толкование в юриспруденции фактически порождает новые нормативные составляющие: “закон рождается в процессе применения”. Литературный контекст не выпускает закон из-под своего незаметного и располагающего к себе влияния»¹¹.

Массовое правосознание россиянина не приемлет сухость и усложненность языка права, воспринимая это как попытку сокрыть правду и запутать правового субъекта с целью лоббировать узкогрупповые цели, следуя интересам определенных элит. Восстребованными оказываются те свойства русского языка, которые свидетельствуют о его красоте, богатстве, умении обозначить тончайшие нюансы словоупотребления. «Специалисты утверждают, что, например, в русском языке 80 % всех слов эмоционально окрашены, т.е. выражают определенные чувства по отношению к тому, о чем идет речь: восхищение, презрение, неодобрение, радость, уныние и т.д. В английском языке таких слов только 20 %»¹².

Для отечественного общественного сознания характерна нерасчлененность восприятия реальности, что сопровождается интуитивностью и чуткостью ко всем нюансам происходящего, поиском красоты в природе, жизни и внутреннем мире человека, что находит отражение и воплощение в языке права, для которого благозвучность, выразительность и гармония более убедительны в процессе рецепции правовых норм.

Во-вторых, гносеологический уровень. Красота помогает человеку приблизиться к идеалу, в котором принцип красоты играет важную эвристическую роль. Н. А. Бердяев отмечает, что красота позволяет постичь мир в целостности, она есть главная цель человека и мира.

Платон выделил онтологическую и гносеологическую проблематику, связанную с понятием красоты. На роль красоты в научном познании указывали многие ученые,

¹⁰ Лихачев Д. С. Литература трагического века в истории России // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / вступ. ст. Д. С. Лихачева; общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1981. С. 23.

¹¹ Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература: монография. М.: Проспект, 2021. С. 3.

¹² Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. Изд. 3-е. М.: Эдиториал УРСС, 2009. С. 199.

обращая внимание на то, что она обладает мощным эвристическим потенциалом. Принцип красоты в юридическом научном знании воплощает инвариантность, согласованность, простоту, системность. При выборе наиболее адекватной теории из числа конкурирующих научно-исследовательских программ принцип красоты играет особую роль. В современной постнеклассической юридической науке человек рассматривается как эмоционально-волевое существо, преобразующее социум. В этом познавательном акте большую роль играет интуиция, основанная в том числе на художественно-образном мышлении и воображении. М. Полани в своей концепции личностного знания особо выделял «интеллектуальные чувства», которые приводят к значимым результатам как в науке, так и в искусстве. К ним он относил чувства красоты и убежденности, эвристическое чувство и интерес: вкупе с воображением они способствуют рождению новых научных идей.

Но красота является не только принципом познания правовой реальности, она позиционирует себя и как промежуточный критерий истины наряду с мировоззренчески-аксиологическим и логическим критериями.

Третий момент в понимании красоты в научном познании связан с отысканием адекватной формы в научном познании при изложении и структурировании материалов теоретического исследования. Стиль научного мышления предполагает не только связность, эмпиричность, логичность и доказательность, но и форму изложения, которая обладает необходимыми эстетическими качествами. Красивое в юридическом познании означает экономичность, умение свести сложное к простому без ущерба для содержания, избежать тавтологий и желанная одну и ту же мысль повторить многократно, прибегая к разным стилистическим приемам, в том числе к метафоричности.

В-третьих, аксиологический уровень, который предполагает укорененность эстетических ценностей в праве. Например, понятие меры, в которой заложена способность человека к освоению социального мира, соразмерная служению человеку. История развития права демонстрирует стремление субъекта найти адекватную меру, лежащую в основе урегулирования общественных отношений. Неслучайно Гегель писал, что право есть мера свободы. Но одновременно человечество постоянно и неизбежно сталкивается с трагическим, поскольку в его истории мы не найдем ни одного примера последовательной реализации идей свободы, равенства и братства. Даже в самом демократичном обществе всегда есть преступность, самоубийства, трагизм человеческого бытия, а противоречия между человеком и обществом является вечными и неотвратимыми (Э. Фромм).

На значимость ценности трагического обращает внимание И. А. Исаев в книге «Мифологемы закона: право и литература». Обращаясь в античной литературе и эстетике, ученый отмечает, что человек в этот исторический период еще не противопоставлен природе. Космоцентризм ранней древнегреческой философии еще не выделял человека из природы, не видел его как личность, персону, и если космос есть порядок, то и жизнь человека должна быть упорядочена законом. «Законам покорствуй» — гласит мудрость древнегреческих мыслителей. Средствами художественного воплощения древний грек приобщается к тем проявлениям правовой жизни, понятийный строй которых формируется в дальнейшем. Античные трагедии воспроизводят свои трактовки вины, кары, воздаяния, наказания, и всё это связывается с природными явлениями и катаклизмами. «Герой трагедии значим в своих поступках и чувствах лишь постольку, поскольку он воплощает и персонифицирует стихии космоса: у Еврипида Геракл, совершающий свои безумные поступки, выражает ни больше ни меньше как «срыв всей мировой законности и морального равновесия на земле»¹³. И. А. Исаев отмечает, что впервые понятия появились в творчестве Еврипида, когда он «номос» и «фюсис» трактовал как закон, обычай, т.е. как установление человека, а не природы.

Пифагорейцы отмечали, что красота существует в гармонии, а гармония есть единство многообразного, она возникает из противоречий и неравенства. Космос

¹³ Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература. С. 30.

есть порядок и «все небо есть гармония и число». Но порядок существует не только в природе, он присутствует и в социальной жизни, в попытке найти гармонию правовых норм и суждений. Порядок непосредственно соотносится с системой. Как пишет И. А. Исаев, «система — это синоним порядка, его воплощение»¹⁴. Анализируя понятие порядка в истории социально-гуманитарной мысли, ученый обращается к принципу механицизма первой научной революции, вдохновлявшему ученых и искусство. В Новое время основным критерием миропорядка становится целостность, что нашло отражение к доминанте метафизического способа познания реальности: «Для сохранения равновесия и баланса были необходимы взаимосвязанность и взаимозависимость порядка и беспорядка»¹⁵.

Эстетическое воплощение действительности предполагает не только обращение к положительным ценностям, таким как красота, возвышенное или прекрасное. Им противостоят эстетические антиценности ужасного, низменного и безобразного, которые отражают темные стороны человеческой личности, на искоренение проявления которых нацелено право. И. А. Исаев, обращаясь к книге М. Г. Каччари «Геофилософия Европы», пишет: «Конституция, понимаемая как наивысший результат политического искусства, совсем не собиралась поддерживать здоровье того, что и так достаточно здорово, она позволяет лечить, заботиться там, где здоровье потеряно: следовательно, она неизбежно предполагает наличие порока и конфликта»¹⁶.

Эстетическое и правовое не исчезают бесследно даже в том случае, когда меняются правовые нормы. Они практически одновременно формируют некие архетипы, которые фиксируются в общественном сознании, переплетаясь и рождая новые образы социального мира. И. А. Исаев относит их к сфере стойких привычек, отмечая, что «многолетнее применение правовых норм и правовых представлений оставляет в массовом сознании в виде осадка более или менее актуализированную идею права»¹⁷. Эстетические образы, в свою очередь, будучи рефлексией социального бытия, частью которого является и правовая реальность, укореняются особым способом в сознании человека своей эпохи, придавая всей рефлексии в целостности комплексный характер, стимулируя определенные переживания и эмотивные реакции, психическое освоение которых способствует предвосхищению грядущих изменений и фундирует диалектическое освоение социальной действительности и углубление тех новых значений, которые в ней просыпаются. Цитируя строчку из поэмы Гете «Фауст» — «Правитель тот, кто нам покой дарует», И. А. Исаев подчеркивает неизменную мудрость художественного творения, утверждая, что «это и есть та навсегда осознанная базовая норма, на которой основывается действие всего позитивного права»¹⁸. Нельзя преуменьшить значение основной нормы в конкретном позитивном праве, на что справедливо указывал Г. Кельзен, она придает ему искомую системную форму и способствует устойчивости правового порядка.

Необходимость идеи базовой нормы была осмыслена задолго до ее теоретической рецепции и оформления. Анализируя революционные события Нового времени и их правовые последствия, связанные с рождением конституционализма, И. А. Исаев пишет: «Идея писаной конституции, рожденная в недрах тайных обществ и сект, свидетельствовала о безграничной вере их адептов в силу человеческого разума и сознания. Поэтому предпочтение должно было отдаваться основным и стабильным принципам верховного закона, а не меняющимся искушениям момента, и поскольку конституция возбуждает благороднейшие и глубочайшие эмоции человека, она и будет обращена к той его части, благодаря которой он только и является человеком»¹⁹.

¹⁴ Исаев И. А., Корнев А. В., Липень С. В. Иерархия и сети: власть и закон. М.: Проспект, 2022. С. 18.

¹⁵ Исаев И. А., Корнев А. В., Липень С. В. Указ. соч. С. 26.

¹⁶ Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 23.

¹⁷ Исаев И. А. Основная норма... С. 23–24.

¹⁸ Исаев И. А. Основная норма... С. 25.

¹⁹ Исаев И. А. Основная норма... С. 27.

В этой фразе подчеркивается не только роль конституции как документа, стабилизирующего и упорядочивающего быстро меняющуюся реальность бурного времени эпохи революций, но и ее эстетическое воздействие на аффективно-эмоциональную сферу человеческого сознания, которая является одним из его составных частей наряду с предметным сознанием и самосознанием.

Связь эстетического и правового не исчерпывается указанными выше примерами, она существует и на других уровнях в соответствии с иными коннотациями, например антропологическими и праксеологическими. Цель эстетического заключается в развитии активной, творчески и духовно развитой личности, обладающей сформированными ценностными ориентациями. И в этом его тесная связь с правом, осязаемая идеями гуманизма и разумной упорядоченности мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бердяев Н. А. Человек и машина. Проблема социологии и метафизики техники (извлечение) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 4 (92). — С. 246–256.
2. Боров Ю. Б. Эстетика : учебник. — М. : Высш. шк., 2002. — 511 с.
3. Дворкин Р. Империя права / пер. с англ. С. Моисеева. — М. : Издательство Института Гайдара, 2020. — 592 с.
4. Исаев И. А. Алхимия власти : очерки по истории и мифологии права. — М. : Проспект, 2025. — 144 с.
5. Исаев И. А. Мифологемы закона: право и литература : монография. — М. : Проспект, 2021. — 304 с.
6. Исаев И. А. Народ и суверен: одноразовое соглашение // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 4. — С. 122–130.
7. Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20–33.
8. Исаев И. А. Солидарность как политико-правовое состояние : монография. — М. : Проспект, 2017. — 176 с.
9. Исаев И. А., Корнев А. В., Липень С. В. Иерархия и сети: власть и закон. — М. : Проспект, 2022. — 200 с.
10. Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. — Изд. 3-е. — М. : Эдиториал УРСС, 2009. — 256 с.
11. Лихачев Д. С. Литература трагического века в истории России // Памятники литературы Древней Руси: XIII век / вступ. ст. Д. С. Лихачева ; общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. — М. : Худож. лит., 1981. — С. 5–27.
12. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития : в 2 кн. Кн. 1. — М. : Искусство, 1992. — 656 с.
13. Чупова М. Д., Филиппова Т. П., Румянцева В. Г. Метафизика власти и закона И. А. Исаева. К юбилею ученого // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 6 (163). — С. 9–17.

REFERENCES

1. Berdyayev NA. Man and Machine. The Problem of Sociology and the Metaphysics of Technology (excerpt). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;4(92):246-256. (In Russ.).
2. Borev YuB. Aesthetics: Textbook. Moscow: Vysshaya Shkola Publ.; 2002. (In Russ.).
3. Dvorkin R. Empire of Law. Trans. from English by S. Moiseeva. Moscow: Gaidar Institute Publ.; 2020.
4. Isaev IA. Alchemy of Power: Essays on the History and Mythology of Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2025. (In Russ.).
5. Isaev IA. Mythologemes of Law: Law and Literature. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).

6. Isaev IA. The People and the Sovereign: A One-Time Agreement. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;4:122-130. (In Russ.).
7. Isaev IA. The Basic Norm («Tablets of the Revolutionary Law»). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;8:20-33. (In Russ.).
8. Isaev IA. Solidarity as a Political-Legal Condition. Moscow: Prospekt Publ.; 2017. (In Russ.).
9. Isaev IA, Kornev AV, Lipen SV. Hierarchy and Networks: Power and Law. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
10. Lektorsky VA. Classical and Nonclassical Epistemology. 3rd ed. Moscow: Editorial URSS Publ.; 2009. (In Russ.).
11. Likhachev DS. Literature of the Tragic Century in the History of Russia. In: *Monuments of Ancient Russian Literature: 13th Century*. Introductory article by D. S. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ.; 1981. (In Russ.).
12. Losev AF. History of Ancient Aesthetics. Results of a Millennial Development. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1992. (In Russ.).
13. Chupova MD, Filippova TP, Rumyantseva VG. The Metaphysics of Power and Law of I. A. Isaev. On the Occasion of the Scholar's Anniversary. *Lex russica*. 2020;73(6(163)):9-17. (In Russ.).